

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
февраль 1981 г.

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

твой как чинара" и т.д. Однако по мере развертывания событий герои становятся все более жизненными. Марзинган, также как и героиня сказания "Слабанд и Хадже", любит и до последнего момента ждет своего избранника, она любит свободу и никогда не согласится быть покоренной. "Умереть свободной лучше, чем жить покоренной", - говорит она.

На протяжении всего сказания мастерски применяются метафоры и гиперболические выражения. Метафоризация строится на основе сходства или же контраста, на основе сопоставления внутренних сходных явлений и предметов действительности, природы и окружающей человека среды.

Малоизвестное сказание "Шор Махмуд и Марзинган" никогда не подвергалось исследованию и представляет определенный интерес для курдоведения и фольклористики. В будущем, несомненно, будут обнаружены другие варианты повествования, которые дадут новый материал для его изучения.

شور محمود و مرزینگان (متن کردی و ترجمه فارسی) I.
تصنیف و ترجمه و توضیح از قادر فتحی قاضی، تبریز، ۱۳۶۸

Э. С. Русинова

"МИФОЛОГИЗМ" В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ИНДИИ

При знакомстве с англоязычной литературой современной Индии невозможно не обратить внимание на обилие фольклорно-мифологических мотивов. Данная статья не претендует на полную охвата материала и ограничивает свою задачу лишь попыткой выделить различные виды "мифологизации" в индийской литературе на английском языке, определить специфику мифологических аллюзий и обратить внимание на характер использования традиционных мифологических мотивов.

В литературоведческих работах отмечалось сознательное обращение писателей XX века к мифу, как к способу особой организации материала и средству выражения "вечных" психологических начал, свойственных определенным национально-культурным общностям.

Это в полной мере относится и к индийской культуре, где мифы и смыкающиеся с ними мотивы эпических поэм "Махабхараты" и "Рамаяны" поныне остаются важным слагаемым духовной культуры народа, своеобразным компонентом художественного видения индийцев. Один

из крупнейших современных англоязычных писателей Индии Р.К.Нарайан во вступлении к своей книге "Боги, демоны и другие", являющейся пересказом древнеиндийских мифологических преданий, писал, что и по сей день для рассказчика и его слушателей "мифы - это не столько литературные памятники минувших времен, сколько сказания о жизни их отдаленных предков... /4, с. II-12, 15/.

Неудивительно поэтому, что "мифологичность" пропитаны многие литературные произведения наших дней.

Обратимся к творчеству самого Нарайана, которому, по его словам, не чуждо отношение к мифу, как к реальной действительности, к двум его романам "Людоед в Мальгуди" (The Man-Eater of Malgudi, 1961) и "Гид" (The Guide, 1958, в русском переводе - "Святой Раджу"). Известный санскритолог Эдвин Героу одним из первых обратил внимание на то, что роман Нарайана "Людоед в Мальгуди" построен по классическим канонам памятников древнеиндийской литературы. Действительно, роман и структурно, и тематически ориентирован на миф. Две силы сталкиваются в этом произведении: силы зла и разрушения и силы добра и справедливости. Силы зла в какой-то момент одерживают победу, но, как это и свойственно классической индийской мифологической традиции, зло, таящее в себе силы саморазрушения, готовит свой неизбежный конец. Доброе начало торжествует. Представителем лагеря праведных и справедливых выступает владелец крошечной типографии Натарадж, порядочный, общительный и деликатный человек. Ему противостоит Васу, "магистр и чучельных дел мастер", ворвавшийся извне в тихий мир провинциального городка Мальгуди. Роман достигает кульминации, когда Васу, проповедующий, что "действие, направленное на достижение собственной пользы, - благо", решает уничтожить обожаемого жителями Мальгуди храмового слона Кумара. Один из персонажей романа называет Васу "ракшасой", прямо отождествляя этого наглого "человека действия" с его прототипом, носителем злого начала, представителем своевольного и дерзкого племени демонов-людоедов, противостоящего божественному началу и порядку.

Конец Васу предreshен потому, что все общество городка, безопасности которого угрожал Васу, поняло, что больше терпеть творимое им зло нельзя. Это объяснение возникает при рассмотрении романа в реалистическом плане, но конец Васу имеет еще и другой смысл, восходящий к мифологическому архетипу. Зло - самоуничтожимо. Эта установка идет от национальной жизненной модели. Таинственные обстоятельства смерти Васу позволяют предположить факт самоубийства, т.е. Васу сам себя уничтожает. Он считал себя непобедимым, думал, что может безжалостно попирать все законы, а в результате - перешел

границы дозволенного, что и обусловило его гибель. Если исходить из "мифологичности" романа "Лидоед в Мальгуди", то можно считать, что здесь соблюдена мифологическая цикличность "порядок — отсутствие порядка — восстановленный порядок", т.е. силы зла, в лице Васу грозившие природе, уничтожены.

Нараян использует в своих произведениях и другой архетип — мотив искупительной жертвы с целью умиротворения верховных сил. В романе "Гид" мы встречаем предприимчивого индусу Раджу в разные моменты его жизни: он помогает отцу в торговле на привокзальной площади, развлекает и "просвещает" туристов в качестве гида, становится антрепренером танцовщицы, и, наконец, за свои злоупотребления попадает в тюрьму. Эти метания объясняются тем, что герой постоянно испытывает неудовлетворенность, хотя он отзывчив, готов помогать людям, всегда рад устроить чужие дела. Именно эти черты его характера и обуславливают последний этап его жизненного пути. Принятый простодушными крестьянами за "саду", святого отшельника, Раджу во имя их благополучия идет на серьезную жертву. Жители деревни, на окраине которой в заброшенном храме поселился Раджу, верят, что спасти поля от засухи могут только пост и молитва, а осуществлять это должен Раджу. Он сам рассказывал им о посте, о том, как он проводится и чего позволяет добиться. "Сведения, которые он им преподавал... были частично позаимствованы из старинных сказаний, которые он слышал от матери" /5, III/. Таким образом, традиционные мифологемы искупительной жертвы и смерти во имя нового рождения приобретают в романе особое значение. Жизнь Раджу обретает смысл лишь после того, как он решается пойти на необходимое испытание и выдерживает его. "Если отказываясь от пищи, я могу помочь деревьям цвести, а траве зеленеть, почему бы не отнестись к делу добросовестно?" /5, 223/ — так впервые в жизни герой познает радость самопожертвования во имя счастья других людей. Этот драматический сюжет можно трактовать и как параллель аграрному культовому мифу. Древняя мифологическая праснова, пропущенная через авторское сознание, позволяет идти к значительным обобщениям гуманистического характера.

Сходная мифологема искупительной жертвы приобретает иной оттенок в романе Бхабани Бхаттачарии "Богиня по имени Золото" (The Goddess Named Gold, 1960). Деревенская девушка Мира, которая ради своих суеверных односельчан готова не только пойти на любовь жертвы, но и многократно их совершает, подчас рискуя жизнью, в конце концов отказывается от подобных "подвигов", т.к. понимает, что реальная, подлинная жизнь — много сложнее ее представления. В этом

романе ориентация на миф и чудесное начало соединены с проблематикой социального романа.

У известного англоязычного писателя Индии Раджи Рао форма его раннего романа "Кантапура" (Kanthapura, 1938), повествующего о жизни деревни в годы борьбы за национальную независимость, создана по типу древнейших жанров повествовательной литературы. Старая женщина неторопливо рассказывает о событиях, связанных с движением гражданского неповиновения. Автор сознательно избрал такой прием. В предисловии к роману он пишет, что пытался максимально приблизить форму "Кантапуры" к тому, как рассказывается в Индии местные предания, *sthala-purana*. Таким образом, в данном случае форма повествования служит средством метафорического описания современной исторической ситуации. По мнению индийской исследовательницы англоязычной литературы Индии Минакши Мукерджи, в сознании простых индийцев, которых изобразил Раджа Рао в романе, "миф и факт не столь уж четко разграничены" /7, 141/. Герой книги Мурти воспринимается односельчанами как аватара Ганди, а Ганди в свою очередь — аватара божества. Деятельность Ганди для них повторение подвигов Кришны, победившего змея Калию, которому уподоблены здесь порабитители-англичане. Битва Рамы и Равана находит в романе сюжетную параллель. Эпизоды современности, таким образом, сочетаются в книге с фольклорно-мифологическими мотивами, что придает всей книге романтическую приподнятость, свойственную многим произведениям, посвященным борьбе за национальную независимость.

Столь же "мифологизированы" и два других романа Р.Рао "Змея и веревка" (The Serpent and the Rope, 1960) и "Кошка и Шекспир" (The Cat and Shakespeare, 1964). (На вопросе о "мифологизме" в романе "Кошка и Шекспир" мы не будем останавливаться — тема эта достаточно подробно проанализирована, как в зарубежном литературоведении, так и в статьях советской исследовательницы Е.А.Калининковой /1; 2/). Романы Р.Рао не ясны, "не читаются" вне мифологического и религиозно-философского подтекста, скрытого в его книгах. Выявление мифологем-шифров ведет в область мировоззренческих взглядов автора, помогает уяснить "язык", на котором общается с читателями Рао. Так, смысл обряда, совершаемого возлюбленной героя романа "Змея и веревка" Савитри, может быть понят читателем только, если "расшифровать" отношения протагонистов как повторенный в современной ситуации миф о Кришне и Радхе. Последние страницы романа "Змея и веревка" описывают коронацию английской королевы в 50-е годы XX века. Автор рассматривает этот исторический эпизод как победу "женского начала", связанного с мифологией Парвати, богини-

матери, супруги Шивы, ставшей затем объектом почитания шактов /6/. Королева Англии воспринимается героем как воплощение принципа "женского начала", движущего мир. Рассказ о реальных событиях, таким образом, имеет подтекст, понятный лишь тому, кто знаком с идеями вишишты-адвайты. Произведения Рао, строящиеся на мифологической традиции, создают не столько картину действительности, сколько отражают мировоззренческую и эстетическую позицию их автора. Введение сложной религиозно-философской проблематики свидетельствует о специфической мировоззренческой окраске "мифологизма" в творчестве Р.Рао.

Иное использование мифа мы находим у прогрессивного писателя Индии Мулка Раджа Ананда, отстаивающего принципы гуманизма. Обращение к мифу в творчестве Ананда, например, в его романе "Старуха и корова" (The Old Woman and the Cow, 1960) имеет совершенно определенную цель. Сюжет романа строится на ситуации, подобной мифу о Раме и Сите. Как и Сита, героиня романа Гаури покидает дом мужа и живет в другом городе, так же, как Сита, она остается верной мужу, и как Ситу, ее подвергают испытанию. Но Ананд следует мифу только до определенного предела, чтобы подчеркнуть, что подобная ситуация в наши дни невозможна /ср. 7, 133/. Используя хорошо знакомый любому читателю в Индии миф, М.Р.Ананд как бы заостряет внимание на заключительных эпизодах романа, где Гаури перестает быть символом долготерпения и жертвенности. Соотнесение содержания романа и мифа подчеркивает несходство изображаемого.

Мы ограничились рассмотрением лишь нескольких примеров, количество которых можно было бы значительно расширить. В современной индийской литературе на английском языке "мифологизм" играет заметную роль, различные методы использования традиционных мифологических мотивов мы и пытались показать. Сказанное нами не расходится с положением, высказанным Е.М.Мелетинским, исследовавшим вопрос о "мифологизме" в литературе XX века: для афро-азиатских писателей "мифологические традиции еще являются живой подпочвой национального сознания и даже многократное повторение тех же мифологических мотивов символизирует в первую очередь стойкость национальных традиций, национальной жизненной модели"./3, 298/.

1. Е.Я.Калинникова, Древнеиндийская философия и творчество Раджи Рао. - Литературы Индии. М., 1979, с.206-213.

2. Е.Я.Калинникова, Роман-миф, роман-символ. - Идеологическая борьба и современные литературы Зарубежного Востока. М., 1977, с.119-134.
3. Е.М.Мелетинский, Поэтика мифа. М., 1976.
4. Р.К.Нарайан, Боги, демоны и другие. М., 1974.
5. Р.К.Нарайан, Святой Раджу. М., 1961.
6. У.Норман Браун, Индийская мифология, - Мифологии древнего мира. М., 1977, с.283-336.
7. Mukherjee Meenakshi, The Twice Born Fiction. New Delhi, 1974.